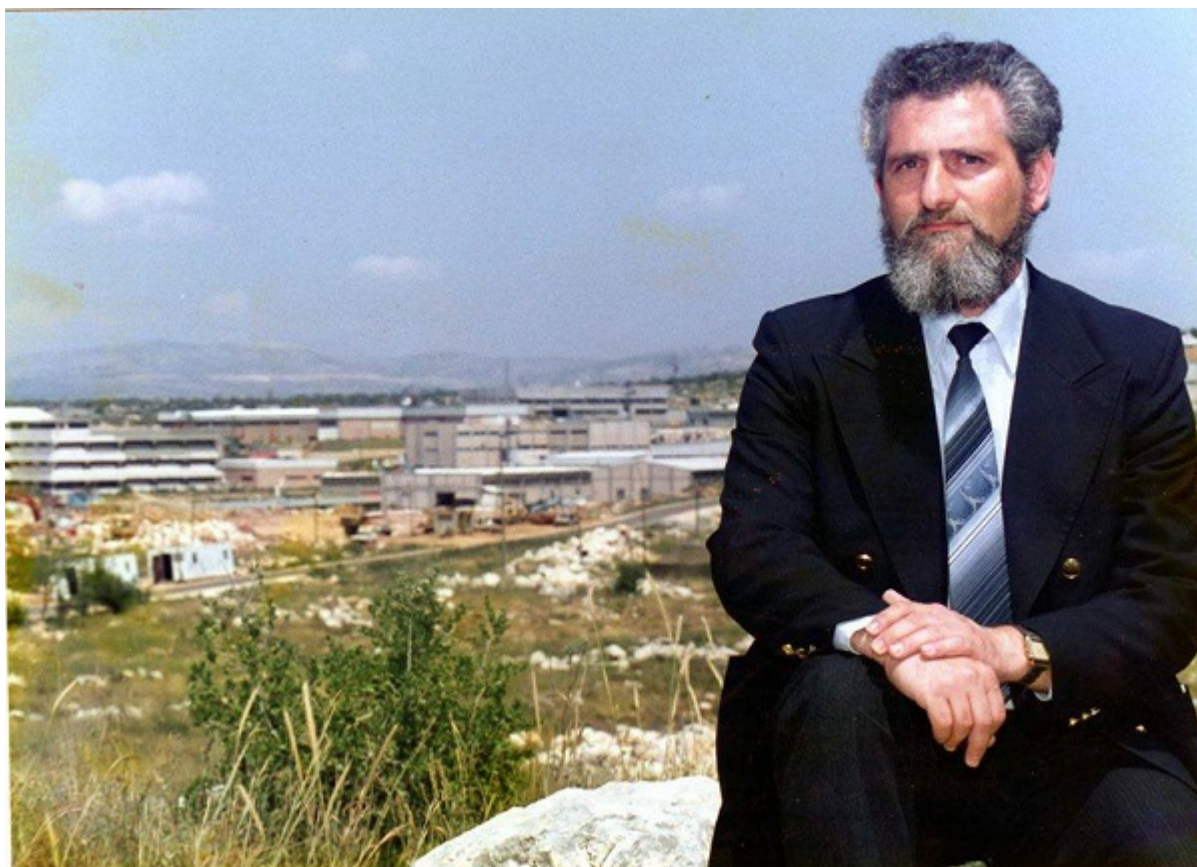

Первый мэр Ариэля Яков Файтельсон: «У меня были отличные отношения с главами арабских советов»

На фоне панорамы Баркана, нач. 1990-х

Два израильтянина были убиты в прошлом месяце палестинским рабочим в промышленном парке Баркан близ города Ариэль в Самарии. На предприятиях этой индустриальной зоны из 8000 работников примерно половину составляют арабы из Иудеи и Самарии. Надо сказать, что с 1982 года, когда был основан Баркан, — это едва ли не единственный теракт, совершенный рабочим-палестинцем. Тем не менее в русскоязычных израильских СМИ и социальных сетях поднялась волна в духе «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит» с резкой критикой самой идеи сосуществования, которую до последнего времени демонстрировал Баркан. Насколько

справедлив этот упрек, мы обсуждаем с первым мэром Ариэля и основателем промышленной зоны Баркан, политиком и демографом Яковом Файтельсоном.

— Создание промышленной зоны Баркан в начале 1980-х имело как экономический, так и идеологический вектор, — говорит Яков. — Мы стимулировали поселенческое движение, побуждая тех, кто устроился на работу в Баркане, купить дом в Ариэле или одном из близлежащих поселков. К 1993 году экспорт продукции местных предприятий составил около \$500 млн. Прежде всего, речь шла о трудоустройстве евреев, что не означало политику закрытых дверей для арабского населения. Израильские зарплаты и социальный пакет, который получают работники-палестинцы, не идут ни в какое сравнение с возможностями в ПА. Именно это привело к тому, что за 36 лет в истории Баркана был лишь один теракт. Местным палестинцам есть, что терять, — и это залог более или менее спокойной ситуации в сфере безопасности.

Что касается сосуществования, то у меня были отличные отношения с главами арабских советов. Я поддерживал создание совместной канализационной системы, а в 1984 году, после официального разрешения министра обороны Моше Аренса на создание родильного дома в Ариэле, ко мне пришла делегация из соседнего Сальфита с предложением построить этот роддом на их земле. Интересная деталь: с чиновниками муниципалитета этого арабского городка, который в те годы был под контролем компартии, приходилось говорить по-русски.

Помню речь мэра Калькилии на открытии текстильной фабрики в Карней Шомрон — он выступал после Арика Шарона и говорил о важности сосуществования и открывающихся в связи с этим возможностях.

Мэр Ариэля Яков Файтельсон с мухтаром деревни Бидия, 1983

Евреи и арабы тогда часто приглашали друг друга в гости по совершенно разным поводам. Однажды в 1983 году меня пригласили в Кифл Харес — это большая деревня, известная тем, что там находится могила Йехошуа бин Нуна. Повод для званого ужина был знаменательный — в гости к родственникам, живущим в Кифл Харесе, приехал владелец крупнейшей строительной компании в Абу-Даби — выходец из этих мест. По его словам, жители эмиратов настолько заплыли жиром от легких нефтяных денег, что пальцем не хотят пошевелить, а их дети, отправленные в Оксфорд и Кембридж, просто прожигают жизнь. Как же функционирует страна? «Посмотри на меня, — сказал гость. — Я приехал строительным рабочим, а сегодня владею огромной строительной фирмой. Большинство инженеров в стране — палестинцы, то же можно сказать о техниках, врачах, учителях». Но кто-то хочет прожить всю жизнь в лагерях для беженцев на пособие от БАПОР — это их выбор.

Парадоксально, но иногда с арабами из окрестных деревень было проще найти взаимопонимание, чем с братьями-евреями. Никогда не забуду историю

появления в Ариэле собственного кладбища. Это стало результатом несчастного случая — 14-летний мальчик, катавшийся на велосипеде, сорвался в пропасть и погиб. Родители захотели похоронить сына в Ариэле. Но где? В три часа ночи пришло сообщение о смерти, а в 8 утра мы с раввином уже нашли участок на государственной земле, примыкающей к Баркану. Копать невозможно — это практически скала, пригнали экскаватор, чтобы вырубить место для могилы. Тут же прибежали арабы из Кифл Хареса — вы что здесь забыли, это наша земля, убирайтесь и т.д. Тогда мы с д-ром Бен-Ами, прекрасно говорившим по-арабски, поехали к деревенскому старосте — мухтару. Как сейчас помню — большая комната, вдоль стен стоят низкие скамейки, он сидит немного на возвышении, мы подле него, пьем кофе, которым нас по традиции угостили.

Я объясняю ситуацию, мол, земля государственная, к тому же скалистая и абсолютно непригодная для сельского хозяйства. Он погладил свою бороду и говорит: «Аль ард иль валид» (земля мальчика, — араб.). Вопрос был закрыт, но по возвращении нас ждала делегация из Баркана — с жалобами на то, что я порчу им качество жизни, устраивая здесь кладбище. И тут я взорвался, ведь жители арабской деревни повели себя гораздо человечнее, чем они. Какое качество жизни?! Кладбище в полутора километрах от поселения, и оно же, в конце концов, когда-нибудь им самим понадобится. Кстати, сегодня там уже практически нет места...

Я не идеализирую отношения с арабским населением, но надо понимать, что стало причиной их ухудшения. Лучше всех объяснил мне ситуацию мухтар другой деревни — это было незадолго до первой интифады. «Понимаешь, саид Якуб, — сказал он, — никогда мы не жили так хорошо — ни при турках, ни при англичанах, ни при иорданцах — как при вас, евреях. Но это, — добавил он, — ничего не значит, потому что мы всегда идем за теми, кого боимся. А вас мы не боимся — в отличие от «Шабива» (молодежная экстремистская группировка, — прим. ред.). Я знаю, что мы потеряем все. Но мы пойдем с ними...».

Молодые активисты ФАТХа на параде, Бейрут, 1979

Так и произошло. Только «Шабibu» сменили гораздо более агрессивные ХАМАС и Исламский джихад. При этом все попытки договориться с палестинскими лидерами обречены на провал, поскольку система власти на Ближнем Востоке построена на влиянии отдельных хамул — кланы могут веками враждовать между собой, вы не можете уладить дело с законно избранным главой государства, рассчитывая на лояльность ему всех остальных кланов. Процесс формирования наций, занявший в Европе столетия, на Востоке еще не завершен.

И, тем не менее, история Баркана демонстрирует, что если у палестинцев есть возможность жить достойно — они, в общем и целом, эту возможность используют. И исключение, которое представляет собой недавний теракт, лишь подтверждает правило.